

Блаженный Августин

ОБ УЧИТЕЛЕ

«Об учителе» — труд выдающегося христианского теолога Августина Блаженного Аврелия (лат. Aurelius Augustinus Hippoensis, 354–430).

Обучение через припоминание — один из самых важных видов обучения, который предназначен для просвещения других людей.

Другими известными сочинениями Августина Блаженного являются «О бессмертии души», «Исповедь», «Письма», «О различных вопросах», «О порядке», «О количестве души», «О блаженной жизни» и «Монологи».

Произведения гения теологической мысли Августина Блаженного Аврелия послужили основой для возникновения новых течений: христианского неоплатонизма и символизма.

Августин Блаженный

Об учителе

Глава I. О том, с какой целью говорит человек

Августин . Какую, по-твоему, мы преследуем цель, когда говорим?

Адеодат . Судя по тому, что мне теперь предстоит, или учить, или учиться.

Августин . С первым я согласен, ибо понятно, что учим мы именно говоря. Но как мы подобным образом еще и учимся?

Адеодат . Но ведь учимся-то мы задавая вопросы!

Августин . Но и в этом случае мы скорее имеем своею целью учить, ибо задавая вопросы, обычно хотим вразумить того, кого спрашиваем.

Адеодат . Ты, пожалуй, прав.

Августин . Итак, ты согласен с тем, что целью речи является именно обучение?

Адеодат . Не вполне. Ибо, если говорить — это не что иное, как произносить слова, то разве мы не делаем то же, когда, скажем, поем? Поем же мы часто одни, когда нас никто не слышит, а значит никого и ничему при этом не учим, да и не хотим учить.

Августин . Мне кажется, что есть некоторый род обучения через припоминание, род весьма важный, о котором мы еще обязательно поговорим. Но если ты возражаешь против того, что мы и сами учимся, когда вспоминаем, и других учим, когда напоминаем, то спорить не буду и лишь замечу, что тогда у нас будет два повода к тому, чтобы говорить: во-первых, чтобы учить, и, во-вторых, чтобы вспоминать или напоминать другим. И когда мы поем, то, тем самым, и вспоминаем. Не так ли?

Адеодат . Не совсем, ибо, как правило, я пою не ради припоминания, а ради удовольствия.

Августин . Понимаю. Но согласись, что в пении тебе доставляет удовольствие некая модуляция звука, сами же слова особой роли тут не играют, так что петь, в общем-то, можно и без слов. А раз так, то петь и говорить — отнюдь не одно и то же. В самом деле, поют на флейте и цитре, поют птицы, да и сами мы часто издаем нечто музыкальное без слов, каковой звук пением назвать можно, но речью уже никак нельзя. Или, возможно, ты имеешь что-либо возразить?

Адеодат . Решительно ничего.

Августин . Итак, не кажется ли тебе, что когда мы говорим, то желаем при этом или учить, или припоминать?

Адеодат . Меня смущает вот какое обстоятельство: когда мы молимся, то ведь тоже

говорим. Однако было бы святотатством думать, что Бог учится у нас чему-то или о чем-то вспоминает.

Августин . Тебе, думается, небезызвестно, что молиться в затворенной клетки (Мф 6.6), под которой разумеются тайники нашего духа, нам заповедано именно потому, что Бог не нуждается в наших словах, которые бы учили Его или напоминали о том, чего мы желаем. Ибо кто говорит, тот членораздельными звуками проявляет вонне свою волю, Бога же должно искать и умолять в самых сокровенных тайниках разумной души, которая называется внутренним человеком, поелику Ему угодно было именовать ее Своим храмом. Не читал ли ты у апостола: «Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?» (1Кор 3.16), и что Христос обитает во внутреннем человеке (Еф 3.16–17)? Не останавливал ли ты также внимания на словах пророка: «Размыслите в сердцах ваших, на ложах ваших, и утишитесь. Приносите жертвы правды и уповайте на Господа» (Пс 4.5–6)? Где, по-твоему, приносится жертва правды, как не в храме ума, в тайниках сердца? А где надлежит приносить жертву, там должно и молиться. Потому, когда мы молимся, нет нужды в том, чтобы мы говорили, т. е. в словах, произносимых внешним образом, за исключением разве тех случаев, когда эти слова, как у

священников, служат выражением мысли, дабы не Бог, но люди слышали их и, приходя, благодаря припоминанию, в некоторое с ними согласие, возлагали упование свое на Бога. Или ты думаешь обо всем этом иначе?

Адеодат . Я совершенно с тобою согласен.

Августин . Значит, тебя не смущает то обстоятельство, что высочайший Учитель, когда учил Своих учеников молиться, научил их и некоторым словам (Мф 6.9), причем Он сделал не что иное, как научил их, какие слова должно произносить во время молитвы?

Адеодат . Нисколько, ибо Он научил их не столько словам, сколько предметам, выражаемым этими словами, дабы эти предметы напоминали им, кому и о чем следует молиться, когда молятся, как было сказано, в тайниках духа.

Августин . Твои рассуждения безупречны! Полагаю, ты понимаешь также (пускай это кто-либо и оспорит), что хотя мы и не произносим ни одного звука, тем не менее, представляя в уме иные слова, говорим внутренне, в душе. И, таким образом, мы опять-таки припоминаем, когда память, хранящая слова, перебирает их и приводит на ум те самые предметы, знаками которых эти слова служат.

Адеодат . Понимаю твою мысль и полностью с ней соглашаюсь.

Глава II. О том, что значение слов объясняется опять-таки словами

Августин . Итак, мы согласны с тобою в том, что слова суть знаки.

Адеодат . Согласны.

Августин . А может ли знак быть знаком, если сам он ничего не значит?

Адеодат . Нет, не может.

Августин . Сколько слов в этом, например, стихе:

Если из града такого
богам ничего не угодно
оставить.

Адеодат . Восемь.

Августин . Значит, восемь знаков?

Адеодат . Да.

Августин . Полагаю, ты понимаешь этот стих.

Адеодат . Мне кажется, что понимаю.

Августин . Так скажи, что означает каждое слово в отдельности.

Адеодат . Хотя я и понимаю, что означает «если», но другого слова, которое бы его истолковало, не нахожу.

Августин . Но ты определишь, по крайней мере, что обозначается этим словом, где бы оно ни

находилось.

Адеодат . Мне думается, что оно означает сомнение, а где же быть сомнению, как не в душе?

Августин . Неплохо. Продолжай.

Адеодат . «Ничего» означает то, чего нет.

Августин . Возможно, но здесь у меня возникают сомнения, причем именно в связи с тем, о чем мы говорили выше, а именно: знак является знаком именно потому, что что-нибудь да и обозначает. Но как может быть чем-нибудь то, чего нет? Поэтому данное слово в нашем стихе не есть знак, ибо не обозначает ничего, и мы или неправильно согласились с тобою в том, что все слова — знаки, или что знак необходимо что-либо означает.

Адеодат . Твое возражение слишком сильно; но коль скоро мы не имеем того, что обозначить словом, то, по всему, слово наше лишено смысла. А между тем, разговаривая теперь со мною, ты, полагаю, ни одного звука не издаешь напрасно, но всем, что исходит из твоих уст, даешь мне знак, дабы я что-либо уразумевал. Выходит, тебе не следовало употреблять в разговоре этих трех слогов, когда бы ты ими что-нибудь да и не обозначал. Если же ты видишь, что из них составляется необходимое слово, и мы учимся и припоминаем, когда оно касается нашего слуха, то, значит, ты должен понять и меня, хоть выразить

свою мысль мне сейчас крайне трудно.

Августин . Что же нам делать? Разве что скажем так: этим словом обозначается не предмет, коего в действительности не существует, но состояние нашего духа, когда он предмета не видит, и в то же время находит (или думает, что находит), что его нет.

Адеодат . Похоже, это именно то, что я силился тебе объяснить.

Августин . Оставим в покое это слово, что бы оно там ни значило, дабы не произвести на свет еще какой-либо нелепицы.

Адеодат . Чего именно?

Августин . А того, чтобы нас не задержало это самое «ничего» и не заставило топтаться на месте.

Адеодат . Забавно, но ведь именно это с нами и случилось!

Августин . В свое время мы, Бог даст, пойдем это противоречие, теперь же вернемся к нашему стиху и попробуем объяснить значение оставшихся слов.

Адеодат . Еще одно слово — слово «из», которое, по-моему, вполне можно было бы заменить словом «от».

Августин . Я добиваюсь не того, чтобы ты одно известное слово заменял другим, имеющим то же значение (хотя имеет ли оно то же значение —

еще вопрос. Впрочем, это сейчас неважно). Если бы поэт сказал не «из града такого», а «от такого», а я спросил бы тебя, что значит «от», а ты бы ответил, что то же, что и «из», поскольку оба эти знака, по-твоему, обозначают одно и то же, то ведь именно это неизвестное «одно и то же», обозначаемое словами «от» и «из», я и хочу узнать.

Адеодат . Полагаю, что «из» означает некоторого рода отделение от предмета чего-либо, прежде в нем бывшего. При этом неважно, перестал ли существовать сам этот предмет, как в нашем случае, когда после гибели Трои остались жить иные из троянцев, или продолжает существовать, как, например, когда мы говорим о том, что в Африку прибыли купцы из Рима.

Августин . Пожалуй, соглашусь, хотя из твоего правила существует масса исключений. Но главное: понял ли ты, что объяснял мне сейчас известнейшие слова с помощью таких же известнейших слов, т. е. знаки — знаками, в то время как я хотел, чтобы ты показал мне то, знаками чего эти знаки служат.

Глава III. О том, можно ли что-либо объяснить без помощи знака

Адеодат . Удивляюсь, что ты не знаешь, или вернее делаешь вид, будто не знаешь, что я не имею

малейшего представления о том, как тебе отвечать. Чем же еще мы можем пользоваться в разговоре помимо слов? То же, о чем ты спрашиваешь меня, явно что-то другое. А спрашиваешь ты, заметь, словами! Спроси меня без помощи слов — тогда, возможно, я догадаюсь, как тебе ответить.

Августин . Согласен, ты прав. Но если бы я спросил у тебя, что означают два слога, например, в слове «стена»; разве ты не мог бы показать мне пальцем, чтобы я просто увидел тот предмет, знаком которого служит это двусложное слово? Просто показал, не произнося каких-либо слов?

Адеодат . Я допускаю возможность этого, но только по отношению к названиям предметов, причем тогда, когда сами эти предметы находятся налицо.

Августин . А цвет — это предмет, или же скорее некоторое качество предмета?

Адеодат . Качество.

Августин . Но ведь и цвет может быть указан пальцем. Не прибавишь ли ты к предметам и их свойства, которые также, будь они налицо, могут быть изучаемы без слов?

Адеодат . Когда я говорил о предметах, я имел в виду все телесное, т. е. все, что в телах доступно чувствам.

Августин . Однако подумай, не нужно ли тебе сделать из этого какое-либо исключение?

Адеодат . Предостережение твое весьма основательно: мне следовало бы сказать не «все телесное», а «все видимое». Сознаюсь, что звук, запах, вкус, тяжесть, теплота и прочее, относящееся к остальным чувствам, хотя они и не ощущаются без тел, почему и телесны, однако пальцем быть указаны никак не могут.

Августин . А разве ты никогда не видел, как с глухими ведут своего рода разговор посредством жестикуляций, и сами глухие при помощи жестов же и спрашивают, и отвечают, и учат, и выражают все, что хотят, или, по крайней мере — весьма многое. А если так, то без слов может быть указуемо не только видимое, но и звуки, и вкус, и прочее в том же роде. Ведь и комедианты довольно часто представляют в театрах целые спектакли без слов, посредством пантомимы.

Адеодат . На это мне нечего возразить, кроме разве того, что значение частицы «из» не только я, но и сам плясун-комедиант без слов объяснить не в состоянии.

Августин . Возможно, ты и прав; но давай вообразим, что он это сделать способен. Полагаю, ты согласишься, что каково бы ни было то телодвижение, при помощи которого он будет стараться показать мне обозначаемый этим словом предмет, само это движение будет не предметом, а его знаком. Поэтому и в данном случае он будет

указывать, правда не словом, а другим знаком, но все равно — знаком знак, так что и эта односложная частица «из», и его телодвижение будут означать нечто одно, то самое, что я требую показать мне без знака.

Адеодат . Но каким образом, скажи, возможно то, чего ты требуешь?

Августин . Таким же, каким это сделала наша стена.

Адеодат . Но и она, насколько я понял из предыдущего разговора, не может быть указана без знака: ведь указание пальцем не есть сама стена, а знак, посредством которого стена может быть узнана. Таким образом, я не вижу ничего, что могло бы быть указано без помощи знака.

Августин . Почему же? Предположим, что я спросил бы тебя, что значит ходить, а ты встал бы и начал ходить: не воспользовался ли бы ты в этом случае самым делом, а не обозначающими его словами или иными знаками?

Адеодат . Признаюсь, это так, и мне стыдно, что я просмотрел столь очевидную вещь. Теперь и мне представляется тысяча предметов, которые могут быть указаны сами собою, а не при помощи знаков, как, например, есть, пить, сидеть, стоять, кричать и многое другое.

Августин . Хорошо. Но скажи мне теперь, как бы ты научил меня, если бы я, совершенно не зная

значения слова «ходить», спросил у тебя, прохаживающегося, что значит ходить?

Адеодат . Я продолжал бы прохаживаться, только несколько быстрее, чтобы этим новым оттенком движения сообщить тебе понятие о том, о чем ты спросил, и это было бы именно то, что следовало бы тебе показать.

Августин . А разве ты не знаешь, что ходить — это одно, а спешить — совсем другое? Ибо ходящий не всегда спешит, а спешащий — не всегда ходит. Спешить ведь можно и при письме, и в разговоре, да мало ли еще где. Судя же по тому, что ты бы мне показал, я решил бы, что «ходить» означает именно спешить. Именно этот новый оттенок движения и ввел бы меня в заблуждение.

Адеодат . Сдаюсь: без знака мы ничего о предмете передать не можем, если нас спрашивают о том, что мы делаем, именно в тот момент, когда мы делаем. Ведь для того, чтобы обойтись без помощи знаков, мы должны придать нашим действиям какой-то новый оттенок, в противном случае вопрошавший попросту решит, что мы не желаем ему отвечать и, не обращая на него внимания, продолжаем делать то, что делали. Но если он спросит нас о чем-либо таком, что мы можем делать, но в данное время не делаем, то в таком случае, принявшись после его вопроса за это дело, мы можем этим делом лучше, чем знаком,

показать ему то, о чем он спросил.

Забавно будет, если в ту пору, когда я буду говорить, он спросит меня, что значит «говорить». В таком случае, что бы я ни сказал, демонстрируя ему разговор, я буду по необходимости говорить, и продолжая так, я буду говорить до тех пор, пока не сделаю для него ясным то, что он желает знать, не отрываясь от предмета его любопытства и, в то же время, не ища знаков, при помощи которых этот предмет мог бы быть указан, помимо самого же этого предмета.

Глава IV. О том, объясняются ли знаки самими знаками

Августин . Соображение весьма остроумное. Так стало быть мы согласны теперь с тобой, что без знаков может быть указано то, чего мы> когда нас спрашивают о том, или не делаем, но можем тотчас начать делать, или же, если уже делаем, то делаем сами знаки? Ведь когда мы говорим, мы делаем именно знаки.

Адеодат . Согласны.

Августин . Значит, когда спрашивается о каких-либо знаках, то знаки могут быть объяснены знаками же, а когда нас спрашивают о самих предметах, которые не суть знаки, в этом случае мы можем указывать их или самим делом, если эти

предметы — нечто такое, что мы можем делать после того, как о них спросили, или давая знаки, посредством которых они бы могли быть замечены.

Адеодат . Это так.

Августин . Итак, в этом троечастном разделении подвергнем рассмотрению, если угодно, прежде всего то, что знаки объясняются знаками. Одни ли слова суть знаки?

Адеодат . Нет, не одни.

Августин . Мне кажется, что когда мы говорим, то обозначаем словами либо сами же слова, либо другие знаки, например, когда называем жест или букву — ибо то, что в данном случае обозначается этими двумя словами, представляет собою знаки же, либо что-нибудь другое, не представляющее собою знака, например, когда говорим «камень» — ибо хотя это слово и представляет собою знак, так как означает собою нечто, но то, что им обозначается, само не есть знак. Этот последний случай, когда словами обозначается то, что не представляет собою знака, не входит в область, исследовать которую мы сейчас собрались. Нас интересуют случаи, когда знаками обозначаются знаки, а таковые можно разбить на два типа: припомощи знаков мы учим и припоминаем или те же самые знаки, или какие-то иные. Ты согласен?

Адеодат . Безусловно.

Августин . Скажи-ка, знаки, когда ими служат слова, к какому чувству они относятся?

Адеодат . К слуху.

Августин . А жесты?

Адеодат . К зрению.

Августин . А когда мы читаем написанные слова, неужели они уже не суть слова? Или их правильнее назвать знаками слов? Ведь слово представляет собою то, что с известным значением произносится членораздельным звуком, а звук не может быть воспринят никаким другим чувством, кроме слуха. Поэтому, когда слово пишется, то пишется знак для глаз, при помощи которого приходило бы на ум то, что относится к слуху.

Адеодат . Я совершенно согласен.

Августин . Полагаю, ты согласишься и с тем, что когда мы говорим «имя», то этим что-нибудь да и означаем.

Адеодат . Разумеется.

Августин . Что же?

Адеодат . А то, чем что-либо называется, например, Ромул, Рим, мужество, река и многое другое.

Августин . А означают ли эти четыре имени какие-нибудь предметы?

Адеодат . Означают.

Августин . Нет ли какого-нибудь различия между этими именами и теми предметами, которые

они означают?

Адеодат . Есть, и весьма большое.

Августин . Хотелось бы услышать от тебя, в чем заключается это различие.

Адеодат . В том, во-первых, что имена — знаки, а предметы — нет.

Августин . Угодно ли тебе будет называть те предметы, которые могут быть обозначаемы знаками, не будучи знаками сами, предметами «обозначаемыми», подобно тому, как мы называем «видимыми» те предметы, которые можем видеть, для того, чтобы нам впредь было удобнее рассуждать о них?

Адеодат . Изволь.

Августин . Скажи, нельзя ли обозначить какими-либо другими знаками те четыре знака, которые ты привел ранее?

Адеодат . Неужто ты полагаешь, что я успел забыть то, о чем мы только что говорили: что написанное служит знаками тех знаков, которые произносятся вслух.

Августин . Скажи же, какое между ними различие?

Адеодат . А то, что написанное — видимо, а произнесенное вслух — слышимо. Ибо, почему бы тебе не принять и этот термин, если мы допустили термин «обозначаемое»?

Августин . С удовольствием принимаю. Но я

опять спрашиваю у тебя, могут ли быть те четыре знака обозначены каким-либо иным слышимым знаком, подобно тому, как ты припомнил это относительно знаков видимых?

Адеодат . Помню и это, как еще более недавно сказанное. Я отвечал тебе, что имя означает собою нечто, и в подтверждение сказанного привел те четыре слова. Думаю, что и имя, и эти приведенные мною слова, если они произносятся вслух, слышимы.

Августин . А чем отличаются друг от друга тот слышимый знак и эти приведенные тобою обозначаемые, которые, в свою очередь, суть знаки?

Адеодат . Между тем, что мы называем именем, и этими четырьмя знаками, которые приведены мною в качестве примера имени, по моему мнению то различие, что первое есть слышимый знак слышимых знаков, а последние хоть и суть слышимые знаки, но уже не знаки знаков, а отчасти знаки предметов видимых, как Ромул, Рим и река, отчасти же — предметов мыслимых, как мужество.

Августин . Что ж, согласен. Но знаешь ли ты, что всякий произносимый нами членораздельный и смысловой звук называется словом?

Адеодат . Знаю.

Августин . Значит, и имя есть слово, поелику